

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

© SHH 2010

Montblanc, Metamorphosis

пьер райнеро, cartier

Этот год для нас важен с точки зрения не только наших традиционных ювелирно-часовых продуктов, таких как, например, часовые коллекции, созданные по законам скорее ювелирного искусства. В ближайшем будущем мы намерены очень серьезно двигаться по линии сложных и очень сложных механических часов, обозначенных брендом Cartier. Словом, сегодня Cartier — это не только особенные, стильные часы, но еще и отличные, убедительные механизмы, сделанные на нашей новой мануфактуре. Это такие механизмы, которые способны конструировать — с точки зрения придуманной конструкции и исполнения — с калибрами вековых швейцарских мануфактур. Моя же задача, как директора по наследию, — следить за тем, чтобы наши новые сложные модели целиком и полностью соответствовали ДНК дома Cartier. Ведь наша творческая сила — в сохранении и преумножении наших же собственных традиций, ведь мы, пожалуй, самый узнаваемый ювелирный дом.

Cartier, Rotonde de Cartier Astrotourbillon

выставки Sandoz Collection любые современные турбийоны и репетиры выглядят солдатами разбитой армии. Какой бриллиантовый хронограф, будь он трижды от Bugatti (и вот единственной новинкой этого года Parmigiani стала круглая модель Atalante, сделанная в честь столетия французской компании болидов), сможет противостоять в сражении, например, бесстрашной маленькой белой мыши, видевшей еще Суворова, сделанной из золота и украшенной жемчужинами? Сия сложная мышь приучена перед публикой и хвостом вертеть, и ловко двигать круглыми ушами. Рядом с ней, на подушке, как на кочке, восседает престарелый золотой принц — лягушка, автоматон, покрытый зеленым лаком и способный двигать лапками. Однако в Parmigiani все-таки настаивают на преемственности традиций, вот и новое хитроумное творение — монументальная часовая скульптура «Кот и мышь», сделанная часовщиками мануфактуры в честь семьи Сандоз и торжественно выставленная в витрине. Новоиспеченным «Коту и мыши», как нам показалось, и самим как-то неловко от соседства с раритетами. «Кот и мышь» догадываются, как далеко им до подлинного мышиного величия.

Слева от Parmigiani, как на бивуаке, расположились лихие авангардисты Roger Dubuis, по праву называющие себя высокоточными механиками. У Roger Dubuis, как у истинных авангардистов, в собственном хозяйстве наблюдается легкий художественный беспорядок. Вот, наконец, публике торжественно вынесли в тяжелейших коробках часы: большие, еще больше, еще наряднее, оранжевые, розовые — размером корпуса они уже почти сравнялись с телефоном Blackberry.

Часы Roger Dubuis заряжены некоторым детским испугом: а вдруг не заметят, вдруг пройдут мимо и не увидят меня, меня, меня, такого оригинального, такого заводного? Так больше стрелок, так больше кнопок, больше запикивайте в меня пружин, колес и тонких балансиров! В то же время в Roger Dubuis всегда подчеркивают: «Мы не просто дизайнеры, мы не простые рисовальщики. Мы здесь, в этих важных стенах, свои. Мы часовщики-конструкторы!» Однако классический часовой «гном», спустившийся с гор Юра, если бы довелось ему столкнуться лицом к лицу с воинственным, словно крестоносец Людовика IX, двойным турбийоном от Roger Dubuis,

подумал бы, что мир сошел с ума, а коровы в Ле Брассю вместо молока цедают чистый абсент.

«Зачем вам два турбийона в одних-единственных часах?» — задали мы роковой вопрос новому президенту марки Мат тиасу Шулеру. «Второй турбийон стабилизирует первый турбийон!» — таков был ответ. Нам остается только догадываться: кто же стабилизирует второй турбийон, стремительно теряющий последнюю потенцию в стабилизации первого?

Часовые саксонцы из A. Lange & Sohne всегда приветливы, радушны, но немного подозрительны: «Все ли наши продукты понравились? А какие особенно? А всем ли ясно, как работает наша новинка? Точно? Нет, вы уверены, что вы все правильно поняли? Ах, вот, тут не 745 деталей! Тут все 746 деталей! И это крайне важно. Напишите, что мы, «Ланге и сыновья», еще со времен Фердинанда Адольфа Ланге, великого дрезденского механика, ни разу не сокращали количество деталей, даже если об этом нас просил отдел маркетинга! Никогда!» Представители отдела маркетинга при этой сцене густо, достойно, по-немецки краснеют.

Но саксонцы только с утра такие серьезные: во второй половине дня на задках их большого и просторного павильона, выстроенного столь же прочно и надежно, сколь и дворец Августа Сильного, варят и пьют пиво. Это настоящее немецкое пиво, за поллитровую кружку которого можно легко отдать целый контейнер с белым шампанским Romberg, которым на SHH потчуют ровно с 12.00. Пиво притекло из самого Дрездена, что на прекрасной речке Эльбе. О турбийонах уже все, кажется, забыли. Prost! Zum voll! У русских гостей пивной вечеринки спрашивают о Путине, да и как он там? Что-то давно его не видели в Дрездене. Значит, забыл. Обидно. Под конец вечеринки вновь сгущается черная турбийонозная туча: «Нет, про наши детали вы все же напишите! Не сокращаем их, нет, даже если сам отдел маркетинга...»

В A. Lange & Sohne, кстати, в этом году завелся новый господин президент, пришедший на смену любимцу всех журналисток Фабьену Кроне. Похоже, он примерил маску Зорро: интервью не дает, на широкой публике не появляется, пиво с трудовым народом не пьет.

Туманным ранним женевским утром в гламурных кулуарах у Piaget играет тягучий джаз чернокожий саксофонист. Рядом, грациозно пошатываясь,

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ